

ИНОСТРАННЫЕ НАЕМНИКИ В ВИЗАНТИИ ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОК

(к вопросу о пришельцах из «запредельного» мира)

Охват географических знаний каждой конкретной исторической эпохи задает свои пространственные пределы. Эти пределы являются, пожалуй, самой наглядной иллюстрацией кругов познания Анаксимена Милетского. По сю сторону пределов лежат земли, которые, как полагает субъект познания, хорошо ему известны. По ту сторону располагаются неведомые страны. Эти страны – объект фантазий писателей, и рассуждений философов и вопросов о них больше, чем ответов. На раннем этапе становления географических знаний «запредельный» мир практически никогда не населялся людьми. Однако рано или поздно приходилось столкнуться с реальностью. Люди есть и за границей познанного мира. Оставаясь «запредельным», он, тем не менее, насыщался гораздо более сложной смесью устаревших, но еще живых мифов с домыслами, построенными на фактах.

Свои географические пределы византийские авторы обычно строили через посредство античной литературы. Сами византийцы путешествовать не любили и функцию предоставления фактической информации о дальних странах передоверяли прибывшим из этих самых стран иноземцам. Но как относиться к ним, этим варварам, обратившимся на службу Империи?

Удачным примером исследования византийцами пришельцев из-за предела ведомого мира нам представляется их контакты со скандинавами-варангами (в нашей литературе часто и не совсем корректно – варягами), прибывавшими с X века в Византию преимущественно на военную службу. Образ северных жителей, гиперборейцев, создававшийся в Византии, интересует исследователей уже давно. Известно, что византийские авторы находились в большей зависимости от шаблонных представлений о варварах¹, чем от более-менее определенных сведений об образе жизни наро-

дов, с которыми непосредственно соприкасались редко. Однако в случае с наемниками, происходящими из мест обитания этих отдаленных народов, дело обстояло совсем по-другому. Шаблоны, усвоенные еще в античности, сталкивались здесь с ежедневной реальностью.

Если, например, Русь была более-менее осязаемым соседом Византии, то Скандинавия для всех народов Средиземноморья долгое время оставалась загадочной. Анна Комнина, известнейшая византийская писательница, описавшая государственную деятельность своего отца, императора Алексея Комнина, представляла варангов жителями острова Фуле. Так, в 1081 г. во время захвата Алексеем Константинополя полководец Никифор Палеолог просил у императора Никифора Вотаниата, предшественника Алексея, «варваров с острова Фуле» (τους αλο της Θούλης βαρβάρους) для организации отпора (Алексиада. II, 11). В манускрипте Par. Coisl. 311, записанном возможно еще при жизни Анны, слово «варваров» без изменения смысла заменено словом «варангов»¹.

Итак, мир за пределом познанного, из которого прибывали варанги, следует искать на мифической Фуле. Английские историки традиционно считают упоминание Фуле в данном контексте безапелляционным указанием на Британские острова². Однако, имеет ли Фуле четкое географическое соответствие? Чтобы ответить на этот вопрос надо попробовать восстановить тот комплекс «знаний» о Фуле, которые наличествовали у образованных римеев.

Древнейший автор, писавший о Фуле, Пифей из Массилии (320 г. до н.э.), указал такое расстояние Фуле от Британии и такие климатические условия, что под его описание вполне может подходить и Исландия. Это описание в средневековье повторяли Беда Достопочтенный и Саксон Грамматик. В сведениях античных географов Марина и Птолемея исследователи видели Оркнейские острова. Про Фуле распространялось немало легенд. Судя по всему, крупнейшим их собранием был роман Антония Диогена в 24 книгах „О невероятных приключениях по ту сторону Фуле» (Τα υλέρ Θούλην ἀπίστα), написанный приблизительно во II в., сохранившийся лишь фрагментарно, но хорошо известный константинопольскому патриарху Фотию (Biblioth., 166), а благодаря ему – и нам. Прокопий Кесарийский (Война с готами. II, 15) описывал Фуле как остров, лежащий к

¹ См. например Moravczik G. Die Archaisierenden namen der Ungarn in Byzanz // Byzantinische Zeitschrift, 30, Festgabe. – 1929/30 – S. 247-253; Tárkova-Zaimova V. L'emploi des ethnika et les problèmes de la communication à Byzance // Η Ελληνοφωνία στο Βυζάντιο. – Αθ., 1993. – Σελ. 701-709. В последние годы этот вопрос заинтересовал и украинских исследователей на примере произведений Константина Багрянородного: Гордиенко Д. Образ «Иного» в трактате Константина VII Порфирогенета «De administrando imperio» // Середньовічні старожитності Центрально-східної Європи: Матеріали ІХ Міжнародної студентської наукової археологічної конференції (Чернівці, 16–18 квітня 2010 р.). – Чернівці, 2010. – С. 71–73; Гордиенко Д. С. Образ

«чужого» в трактате Константина VII Багрянородного «De administrando imperio» // Проблемы истории и археологии Украины / Материалы VII Международной научной конференции (28–29 октября 2010 г.). – Харьков, 2010. – С. 84.

¹ Любарский Я.Н. Комментарии // Анна Комнина. Алексиада. – СПб., 1996. – С. 473, прим. 272.

² Vasiliev A.A. The Opening Stages of the Anglo-Saxon Immigration to Byzantium in the Eleventh Century // Annales de l'Institut Kondakov, 9. – 1937. – P. 55-56

северу от Британии и во много раз превышающий ее по своим размерам. Фуле населен тринадцатью различными племенами, с представителями которых автор мог общаться. Самые дикие из этих племен – скрифифины (Σκριφίφινοι), которые носят шкуры, не знают земледелия, а детей кормят мозгом. Есть и другие, из которых особенно, видимо, известны гауты (Γαυτοί). Все очень воинственны, почитают бога войны Ареса и приносят ему в жертву пленников¹. Очевидно, здесь следует видеть описание Скандинавии.

Иван Дуйчев указывает на контаминацию в греческом языке античного географического понятия Thule и созвучного ему описательного «далеко» – τῆλε². И действительно, главной чертой Фуле, кажется, была его наибольшая удаленность в пространстве от Византии из всех упоминаемых в источниках стран. Это – край Ойкумены, страна, где нет влияния государства, где удобнее всего размещать различные островные «Утопии»³.

Известно, что значительное влияние на византийскую географическую мысль имели мусульманские ученые. Те же, в свою очередь, опирались на античную науку, только отчасти добавляя что-либо новое. Комплекс восточных знаний о Фуле собрал российский востоковед XIX века А.Я. Гаркави⁴. Аль-Кинди, Ибн Якут и Ибн Хордадбех указывали на город Тулия на берегу моря (иногда море также зовется Тулия) за местами обитания славян-сакалиба. Исмаил Абу-ль-Фида, Шамсаддин Димешки, Истахри, Идриси и Ибн Хаукаль с различными подробностями (у Димешки – наиболее фантастичными) рассказывали про остров Тулия. Этот вариант ближе всего к античному его образу. И только астроном Ибн Джабир аль-Баттани (умер в 929/930 г.) в своих астрономических таблицах указал следующее: «Древние старались также определить широту Земли и узнали, что обитаемая часть ее простирается от экватора до острова Тули, который в Британии, где величайший день состоит из 20-ти часов»⁵.

Любопытен результат наблюдений В. Васильевского¹ и А. Васильева² за употреблением названия Фуле Анной Комниной. Она использует его четыре раза: дважды – в качестве пояснения происхождения варангов, один раз определяет Фуле как самую северную страну, которой когда-либо достигала власть древних римских императоров. С. Блендаль по этому поводу отметил, что в качестве других окраин Римской империи названы Индия, Геркулесовы столпы и тропическая Африка. Преувеличения, допущенные здесь Анной, позволяют рассматривать и Фуле как такое преувеличение и, следовательно, усматривать здесь конкретно-историческое свидетельство о Британии нельзя. Фуле остается мифом³.

Четвертое упоминание связано с тем, что во время вторжения на византийские Балканы Бозмунда Тарентского сопровождали выходцы с Фуле, которые обычно воевали на стороне ромеев. Поскольку Ордерикус Виталис указывает на участие англичан в походе Бозмунда, В. Васильевский сделал вывод, что именно их и имеет в виду византийская царевна. С ним согласен также Дж. Шепард. Логическое построение этого аргумента несовершенно, поскольку большинство рыцарей Бозмунда составляли нормандцы, в некотором смысле также выходцы с Фуле, только скандинавской.

Поэт-географ XII в. Иоанн Цец включил Фуле в зону арктического (т.е. дующего с севера) ветра вместе с Британскими островами Ивернией (Гиберния-Ирландия) и Альбионом (Британия), а также тринадцатью островами Оркад (Оркнейскими)⁴.

И, наконец, в поздневизантийский период появились определенные аргументы в пользу Фуле-Исландии. Там побывал византийский путешественник Ласкарь Канан: «Прибыл я также на остров рыбоедов, обычно называемый Исландией (Ἰσλάντι); у мудрого Птолемея, как мне кажется, этот остров есть Фуле (ἡ Φούλη). Там я нашел день в продолжение шести месяцев, ... И увидел я сильных и крепких людей; пища их была рыбы, хлеб их был рыбы и питье их – вода»⁵.

¹ Бенедикти Р. Экскурс о Фуле у Прокопия Кесарийского (К вопросу об архаизации при этнографических описаниях в византийской литературе) // Византийский временник, 24. – 1964. – С. 49-57.

² Dujčev I. Les Normands à Byzance et dans la péninsule des Balkans // Varangian problems. Scando-slavica. Supplementum I, 1970. – P. 207

³ Широкова Н.С. Ultima Thule (представления древних о Крайнем Севере) // Античное общество – 2. Тезисы Докладов научной конференции 29-30 окт. 1996 г. на историческом факультете СПбГУ. – СПб., 1996. – www.centant.ru

⁴ Гаркави А.Я. Фуле (Thule) въ арабской литературѣ. – СПб., 1873.

⁵ Там же. – С. 7.

¹ Васильевскій В. Замѣтки о пѣшихъ и конныхъ // Васильевскій В. Труды. Т. II (1). – СПб.: ИАН, 1909. – С. 132.

² Vasiliev A.A. The Opening Stages of the Anglo-Saxon Immigration to Byzantium in the Eleventh Century // Annales de l'Institut Kondakov, 9. – 1937. – P. 56-57.

³ Blöndal S. Nabites the Varangian with some Notes on the Varangians under Nicephorus III Botaniates and the Comneni // Classica et mediaevalia, II (2). – 1939. – P. 145-147

⁴ Бибииков М.В. Скандинавский мир в византийской литературе и актах // Скандинавский сборник, 30. – 1986. – С. 99.

⁵ Васильевъ А. Ласкаръ Кананъ, византийскій путешественникъ XV вѣка по Сѣверной Европѣ и въ Исландію // Сборникъ статей въ честь проф. В.П. Бузескула. – X, 1914. – С. 399.

Неверным будет утверждать, что до путешествия Ласкаря Канана византийцы, говоря о Фуле, имели в виду какую-то конкретную страну. Это был обобщенный образ далекого севера. Жителями Фуле считали как англичан, так и скандинавов.

Некоторые свидетельства позволяют предположить, что для многих ромеев варанги сами по себе были чем-то вроде национальности. Представитель провинциальной военной аристократии Кекавмен зовет норвежского княжича Харальда Хардраду сыном василевса Варангии (Советы и рассказы. V, 81)¹. Варангия тут выступает страной, населенной варангами. М.В. Бибиков, кстати, замечает, что в средневизантийской литературе само такое определение является единичным, при том, что даже античная Скандия вообще не упоминается².

Согласно с данными арабских географов, варанги проживали за седьмым климатом, местом обитания русов, славян-сакалиба, болгар, печенегов и других народов Восточной Европы (Бируни)³. Тот же Бируни в «ат-Тафгим» (ок. 1030 г.) называет Балтийское море морем Варанков (Baḡr Waḡank). Приведенная географическая традиция, вполне созвучная Варангии Кекавмена, пережила сам термин, который ее породил. Еще турецкие географы XVII в. Хаджи Хальфа («Джихан-наме») и Эвлия Челеби употребляют название Бахр эль-Варанк. Упоминается также воинственный народ, который населяет его берега. Эта разительная консервативность восточной географии и этнографии даже вызвала у Р. Доукинса иллюзию того, что турки XVII в. еще помнили истинное значение греческого слова «варанг». Правда, известный английский исследователь сразу сам себя поправил⁴. То же содержание вкладывали в понятие «варяги» и первые русские летописцы XI в. Ведь варяги «Повести временных лет» — это собственно народ, живущий за морем, которое зовется Варяжским.

Люди, прибывшие из этой далекой мифической страны, не поддающейся определенному описанию, воспринимались очень неоднозначно. Они и варвары, как любые другие северные соседи Византии. Но они и слишком отдаленны, чтобы быть просто варварами. Большинство авторов, принадлежавших к Константинопольскому императорскому двору, упоминают гвардию варангов, выходцев из Северной Европы, почти исключительно в героическом ореоле. Главные черты, связанные с ними —

¹ Кекавмен. Советы и рассказы. Поучение византийского полководца XI века / Пер. Г.Г. Литаврина. — СПб., 2003. — С. 298-299.

² Бибиков М.В. Скандинавский мир в византийской литературе и актах // Скандинавский сборник, 30. — 1986. — С. 100.

³ Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. — Т. I — М., 1962. — С. 45.

⁴ Dawkins R.M. The later history of the Varangian guard: some notes. — P. 145

это преданность царям ромеев, бесстрашие и непобедимость в бою. Вот как их описывает Никифор Вриенний, говоря об участии варангов в возведении на престол Михаила Дуки в 1076 г.: «Этот народ прибыл из варварской страны, находящейся близ океана, и издревле отличался верностью римским царям, вооружаясь щитом и нося на плечах секиру» (Исторические записки. I, 20). Иоанн Скилица приводит пример варангского самосуда во Фракиях явно для демонстрации достоинств наемников (Сedren. II, 508-509). Описывая битву с печенегами при Верое в 1123 г., Никита Хониат пишет про гвардию императора (из других источников известно, что это были норвежские и британские воины¹) в весьма возвышенных тонах: «Взяв телохранителей, которые защищаются длинными щитами и заостренными с одной стороны секирами, он (имп. Иоанн Комнин — О.Л.) несокрушимою стеной устремился на Скифов» (История. Иоанн, 4).

Для сторонников наемной армии наемник был не только героем. Он отчасти становился «своим» в отличие от других варваров — «чужих». Примеров такого подсознательного отношения к наемникам можно привести много. Так, Михаил Пселл безоговорочно обособил тавроскифов (наемников-росов) от собственно росов (армии Владимира Ярославовича в 1043 г.; Михаил Пселл. Хронография. Зоя и Феодора. Константин IX. 91). Никита Хониат, рассказывая про Второй крестовый поход, называет войско Конрада III аламанями (οἱ Ἀλαμανοί; Мануил. I, 4-5) — современным, актуальным латинско-французским этнонимом. В то же время после отвоевания у сицилийцев о. Керкира император Мануил оставил там сильный наемный гарнизон германцев (ἐκ Γερμανῶν; Мануил. II, 6), названный также латинским, но архаичным, антикизирующим и более привычным этнонимом². Обозначение народа более привычным для обозначающего чем самоназвание этнонимом можно рассматривать как явный признак «присвоения» этого народа.

Вот, что пишет автор XII века Евстафий Солунский: «Не было ни одной страны, откуда бы император (Мануил Комнин) не почерпнул благородный плод: их поставляли восток и север, юг и запад» (Fontes I, p. 81, 5-11); «Невозможно назвать народ, который не смешался бы с нами. Переселенцы узнали щедрость императора и нашли у нас свою родину... До Мануила они были рабами, мечтавшими о бегстве и острившими свой меч против господ... теперь вместо презренных рабов они сделались стратегио-

¹ Cinnami, I, 3. Скандинавские источники проанализированы в: Прицак О. Походження Русі. Т. II — сс. 83-84

² Луговий О.М. Найманці німецького походження у візантійській армії XI-XIII століть // Libra: Збірка наукових праць кафедри історії стародавнього світу та середніх віків. — Одеса, 2010. — С. 30-58.

тами» (Opusc, p.200, 11-19, 33-36, 45-47)¹. Если фессалоникский епископ мог распространить эти слова на любых иноземцев при дворе императора, то последняя фраза четко указывает на воинов, пришедших в Византию из различных стран света.

Но в византийских источниках можно найти и значительное количество упоминаний наемников не в лучшем свете. Сами придворные авторы (нестоличные мнения относительно варангов в источниках представлены крайне слабо) знали недостатки своих охранников, вспоминая в первую очередь о пьянстве варваров. Кстати все упоминания о нем относятся к периоду накануне воцарения в 1081 г. Алексея Комнина, что в определенной степени демонстрирует кризис власти, неспособной контролировать даже собственную гвардию.

Никифор Вриенний пишет, что его дядя Иоанн узнал про козни против себя от «варвара-пелекифора», посланного убить его. Этот варвар, не успев исполнить задание, напился в Адрианополе и разболтал всем о своем поручении (Исторические записки. III, 5). В следующем 1078 году пьяные дворцовые варанги совершили бестолковую попытку убить императора Никифора Вотаниата, но были побеждены экскувитами, воинами еще одной гвардейской части, история которой уже подходила к концу. Об этом нас извещает Михаил Атталиат (294-296). Тем не менее, как это ни странно, через три года, когда тот же Вотаниат был осажден в Константинополе войсками Алексея Комнина именно от мысли подкупить варангов отказались осаждавшие и предпочли более сговорчивых немцев (Анна Комнина, Алексиада. I, 93-94).

Алексей Комнин хорошо знал не просто позитивные качества варангов, а качества крайне полезные для государства. Это он дал царю Михаилу Дуке совет, которым тот не воспользовался, когда в Константинополе народ поднялся на сторону Вотаниата, уже готового войти в город: «Собравшаяся толпа не привыкла к военным действиям, это – рабочие, они не устоят, увидев людей вооруженных и готовых к битве; а потому против них надобно послать вооруженных бердышников (в тексте оригинала буквально «пелекифоров», т.е. варангов – О.Л.) – царскую стражу под командой военачальника» (Вриенний. Исторические записки. III, 20).

Кодекс Varber. gr. 240 сохранил несколько писем Михаила Пселла, одно из которых содержит загадочное упоминание варанга. Я. Любарский перевел этот очень поврежденный документ следующим образом: «Я послал к тебе врача... который умеет кровь отворять не только людям, но и скотам и деревьям (последним в особенности)... Об этом свидетельствую

и предупреждаю тебя, чтобы никогда ты не давал ему пускать тебе кровь и никак иначе у него не лечился... В чем от него есть толк и в чем он больше всего усердствовал, так это... варяга, сгонять с земли, востребовать двойной налог, клязничать, святотатствовать. Таков этот врач...»¹. Письмо полно непонятных теперь аллегорий, в публикации к сожалению даже не указан размер лакуны перед словом «варанг»². Однако вряд ли речь идет про сгон варанга с земли, а следовательно, указанный «врач» сравнивается с варангом, способным по мысли Пселла на все указанные злодеяния. Если такая трактовка верна, тогда имеем еще несколько мотивов для рядового жителя империи недолюбливать варангов. Те исполняли неприятные фискальные функции, связанные с применением силы.

Народная песня понтийских греков использует присказку «Φράγγο, Μαράγγο, // τίτοι κακαράγγο!»³. По мнению В. Васильевского она содержит резкий выпад против чужеземцев – в слове Μαράγγο скрываются подзабытые понтийскими греками варанги⁴. Приблизительный перевод – «Франк, Маранг (или Варанг) – ублюдок и подонок». Учитывая упоминание этого понятия рядом с этнонимом «франк», такое объяснение сохраняет и сейчас определенную степень вероятности. Однако эта пословица тяжело поддается интерпретации, что заметил еще В. Васильевский⁵. Нельзя забывать и новогреческое слово μαράγκος/μαραγγός – столяр, плотник (ср. итал. marangone).

Среди понтийских греков записана баллада из акритского цикла, в которой знаменитый герой Дигенис защищает свою возлюбленную от трех сотен варангов (‘άλλους τριακόσιους Βάραγγους). Эта песня опубликована в 1928 г.⁶ Но и раньше аналогичные песни были известны К. Сафасу, а на него ссылались В. Васильевский⁷ и С. Блендаль⁸. Логичен вывод про фик-

¹ Два письма Михаила Пселла / А.И. Зайцев, Я.Н. Любарский // Byzantinoslavica, 39. – 1978. – сс. 24-28

² Canart P. Nouveaux inédits de Michel Psellos // REB, 35. – 1967. – p.43-60

³ Σαθα Κ.Ν. Χρονογραφοί βασιλείου Κωνσταντίνου // Μεσαιωνική Βιβλιοθήκη Β'. – Βενετία, 1873. – σ. με'

⁴ Васильевский В. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополь XI и XII вв. // Журнал Министерства Народного Просвещения. – 1874. №11 – С. 142

⁵ Васильевский В. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополь XI и XII вв. // ЖМНП. – 1874. – №11. – с. 142

⁶ Dawkins R.M. The later history of the Varangian guard: some notes. – p. 45

⁷ Васильевский В. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополь XI и XII вв. // ЖМНП. – 1874. – №11. – с. 142

⁸ Blöndal S. Væringjasaga. Saga Norrænna, Rússneskra og Enskra Hersveita: Þjónustu Miklagarðskeisara á Miðöldum. – Reykjavík, 1954. – bls. 304, 400

¹ Каждан А.П. Византийский публицист XII в. Евстафий Солунский. Ч. II // Византийский временник. 28. – 1968. – с. 64

сацию фольклором противостояния между слоем пограничных акритов, свободных от налогов землевладельцев, охранявших Империю от вторжения с Востока, и гарнизонных варангов, которые кроме охраны границы, еще и присматривали за самими акритами.

Необходимо отметить, что в английском переводе книги С. Блендала Б. Бенедикцем ссылка была заменена таким образом, что текст скандинавского исследователя стал указывать непосредственно на поэму «Дигенис Акрит», созданную на восточной границе Империи в IX-XIII вв.¹ Однако в издании «Дигенис Акрита» по Гротто-Ферратскому манускрипту, сделанном Дж. Маврогордато, том издании, на которое сослался Б. Бенедикц, не содержится никаких упоминаний варангов, а на соответствующей странице комментария речь идет и вовсе о манихейской ереси². Варанги не фигурируют и в Трапезундском³ варианте эпоса. В близком по содержанию фрагменте Дигенису удается отбить нападение 45 или 300 (в манускриптах T2014, A2979 та Э1158) разбойников-апелатов под предводительством Иоаннаки, старца Филопаппа и Киннама⁴. Таким образом, английский перевод книги С. Блендала содержит ошибку, которая не должна вводить в заблуждение исследователей.

С другой стороны В.А. Арутюнова-Фиданян считает возможным, что как раз русские дружинники привезли неизвестную нам греческую редакцию эпоса на родину, где был сделан перевод, который мы знаем как «Девгениево деяние»⁵. Стоит однако обратить внимание и на то, чье именно место в поздней версии эпоса заняли наемники-варанги. Они сменили именно разбойничью шайку.

Успешная служба в имперской армии обеспечивала наемникам карьерный рост, что создавало мощную конкуренцию ромеям, в первую очередь провинциальной служилой знати. Растущим авторитетом иноземцев в частности был обеспокоен Кекавмен. Приведем его ностальгические воспоминания: «Ни Роман Аргиропул, ни другой кто из блаженных василевсов не возвышали франка или варяга в достоинство патрикия, не давали приказа возвести кого-нибудь из иноплеменников в ипаты или стратофилаки. В лучшем случае иногда кто-нибудь из них становился спа-

фарием. Все они служили за хлеб и одежду» (Советы и рассказы Кекавмена. V, 81).

Примером достаточно нейтрального отношения является упоминание варангов в небольшой поэме-сказке Διγήσις τοῦ Παρικολόγου и именно в их собственной роли – императорской охраны, правда в окружении фруктов и овощей при дворе василевса Айвы: «Когда василевс отдал приказ и архонты вошли, были с ними и варанги»¹. Собственно упоминание о варангах и позволило К. Крумбахеру датировать поэму приблизительно XII в.², что однако позже было признано ошибочным. Поэма была перенесена XIV в.³

Следует помнить, что большинство византийских жертв наемников не оставили нам своего мнения о них. Это были крестьяне, страдавшие во время любой военной операции византийских войск против внутренних врагов. Даже хорошо оплачиваемые войска способны найти способ ограбить население местности, в которой находится войско. Это были горожане, которым не посчастливилось иметь наемный гарнизон. Впрочем, отношения между наемными войсками и местным населением не сводились всегда к противостоянию и отторжению. В конце концов, появление наемных гарнизонов в провинциальных городах сыграло в IX-X вв. свою роль в возрождении их экономики⁴.

Несмотря на наличие наемных войск в эпоху крестовых походов уже во многих странах Европы и Азии, все таки быстрый рост их роли опережал готовность среднестатистического европейца осознать эту реальность. Вот несколько весьма эмоциональных мыслей иноземцев о наемниках в составе византийской армии.

Фрутольф, приор Михельсбергского монастыря в Бамберге, и Эккехард, монах того же монастыря, всю свою жизнь составляли одну из наиболее впечатляющих, детальных и всеохватывающих хроник средневековья. В той ее части, где говорится о Первом крестовом походе, есть такие строки: «И не защитили царя твоего, о благороднейший Константинополь, ни мечи твои, ни тысячеформные козни, ни града неисчислимые жители, не отвернули ни постоянные торги или же нескончаемые скопления золота; не оборонили тебя ни Варинги (Waringorum), ни Туркопулы твои, ни

¹ Blöndal S. The Varangians of Byzantium: an aspect of Byzantine Military history / transl., revised and rewritten by B. Benedikz. – N-Y, 1978. – p. 189

² Digenis Akritas / ed. & tr. J. Maurogardato. – Oxford, 1956. – lxi. Русский перевод этого же варианта: Дигенис Акрит / пер., ст. и ком. А.Я. Сыркина. – М., 1960.

³ Les exploits de Digénis Akritis / publ. par C. Sathas et É. Legrand. – P., 1875.

⁴ Дигенис Акрит. VI, 112-156. – с. 86-87

⁵ Арутюнова-Фиданян В.А. «Рузы» в Закавказье (X век) // Внешняя политика Древней Руси. – М., 1988 – сс. 3-7

¹ Διγήσις τοῦ Παρικολόγου // Carmina Graeca Medii Aevi. – Lipsiae, 1874 – p. 200

² Krumbacher K. Geschichte der Byzantinischen Litteratur von Justinian bis zum ende des oströmischen reiches (527-1453). – München, 1897. – S. 883-884

³ Dawkins R.M. The Later History of the Varangian Guard: some Notes // Journal of Roman studies, 37, parts 1, 2. – 1947. – P. 44.

⁴ Курбатов Г.Л. К вопросу о социальной структуре византийского общества VIII-IX вв. // Классы и сословия средневекового общества. – М., 1988. – С. 10.

Пинчинатов (Печенегов – *О.Л.*) и флота множество»¹. Эти же слова дословно копирует со ссылкой на Эккехарда Саксонский анналист для года 1091².

Еще одно свидетельство принадлежит рабби Вениамину сыну Иона из Туделы, что в Наварре. Из своего путешествия он вернулся в Кастилию в 1173 г. и оставил подробный итинерарий, в котором больше всего внимания уделил местным иудейским общинам. Встречаются в нем также и описания стран, посещенных Вениамином. Приведем его мысли относительно воинственности греков: «Греки нанимают солдат всех наций, которых они зовут варварами, чтобы те вели войны с султаном Тогарминов, которые зовутся турками. Они не имеют воинственного духа сами, и подобно женщинам, неприспособленны к военному делу»³.

Итак, культурная чуждость, наравне со службой имперской власти, которую боялись и ненавидели как и обожествляли, делала варангов враждебными местному населению, а имперские власти относились к ним осторожно. В средние века отношение к наемникам никогда не было однозначным, даже у тех, чьи интересы они защищали. Но в любую эпоху отношение населения к наемникам было менее положительным, чем к собственному ополчению. С другой стороны, отношение властных структур, создавших и использовавших варангов, и различных слоев населения, против которых они потенциально могли быть использованы и которых одновременно они защищали от внешних врагов, нельзя отождествлять. Известный факт расформирования русско-варяжского корпуса и интернирования его по фемам в ожидании нападения на столицу русского войска княжича Владимира Ярославича в 1043 г. не является доказательством недоверия власти к наемникам вообще. Это – доказательство недоверия императора к наемникам из конкретной страны накануне войны с этой страной – дело обычное в любой культуре и любом государстве.

Также нельзя однозначно вести речь о том, был или не был некий класс византийского общества более или менее благосклонен к наемникам европейского происхождения. Исследовательница из Бристольского университета Алисия Симпсон достаточно аргументировано доказала, что в XII в. при кризисе власти после падения Комнинов аристократия действительно могла видеть в наемниках своих союзников и использовать их в период волнений, как использовал немцев Врана в 1187 г. Однако никоим образом нельзя распространять это на всю аристократию, пред-

ставлявший собой достаточно сложный конгломерат¹. Кроме того, далеко не всегда (или даже очень редко) наемники ассоциировались с восстанием против имперской власти. И все-таки они были неромеями.

Уже в XIV веке многогранность проблем, вызванных слишком большими для экономики страны тратами на наемников и дезинтеграцией общества, разделенного на потенциальных врагов государства-греков и варваров-защитников этого государства, породила два проекта реформирования военной системы – Гемиста Плифона и Фома Магистра. Но это уже другая история.

¹ Ekkehardi Chronicon Universale ad a. 1106 // MGH SS VI. – p. 212

² Annalista Saxo // MGH SS VI. – p. 727

³ The itinerary of rabbi Benjamin of Tudela, 23.1 / transl. by A. Asher. Vol. I – L&B, 1840. – p. 54

¹ Simpson A. The Perceptions of the Byzantine Aristocracy towards the Latins: 1081-1204 // ANISTORITON, vol. 2 – April 1998. (E983). – <http://www.anistor.co.hol.gr/english/enback/essays.htm>